

Ганичева Светлана Алексеевна

Кандидат филологических наук,
Вологодский государственный университет
(Вологда, Россия)
E-mail: sganicheva@mail.ru

Ganicheva Svetlana Alekseevna

PhD in Philology Sciences,
Vologda State University
(Vologda, Russia)
E-mail: sganicheva@mail.ru

**СТРЕКОТАНИЕ СВЕРЧКА
В ДИАЛЕКТНОЙ ЯЗЫКОВОЙ
КАРТИНЕ МИРА¹**

**CRICKETS' CHIRPING IN
THE DIALECT LANGUAGE
PICTURE OF THE WORLD**

Аннотация. В статье рассматриваются народные представления о стрекотании сверчков, отраженные в глагольной лексике говоров. Когнитивное истолкование дается семантике глаголов, которые могут обозначать звуки, издаваемые сверчком, а также контекстам употребления этих слов в речи. Источником материала для исследования является картотека «Лексического атласа русских народных говоров».

Abstract. The article is focused on folk ideas of the crickets chirping, reflected in the dialects. The semantics of verbs denoting the chirping of crickets and the contexts of the use of these words in speech received cognitive interpretation. The source of the data for the study is the index of the «Lexical Atlas of Russian Folk Dialects».

Ключевые слова: русские говоры, диалектные глаголы, диалектная языковая картина мира

Keywords: Russian dialects, dialect verbs, dialectal language picture of the world

Введение

С конца XX века появляется все больше исследований, посвященных диалектной языковой картине мира. В силу сложности этого феномена исследователи, как правило, выбирают для рассмотрения его отдельные фрагменты: представления о мире природы [см.: 3, 12 и другие], ключевые понятия русского сознания (время, погода, жизнь, круговое движение [10]; представления о жизни, смерти, любви [2]) и т.д.

Звуковая картина мира, отраженная в говорах, изучена мало. Специальным объектом исследования она являлась только на пермском материале в работах М.Г. Вершининой и С.С. Шляховой [см.: 4]. В то же время звуки играют большую роль в формировании образа мира в человеческом сознании, о чем говорит, в частности, оппозиция «звук – тишина», которой соответствует семантическая оппозиция «жизнь – смерть» [13, с. 149–150]. Фундаментальное системное описание русской диалектной языковой картины мира невозможно без изучения той ее составляющей, которая связана со звуком.

Основная часть

В числе прочих к сущностным характеристикам звука относятся процессуальность и наличие временной протяженности, поэтому специализированным языковым

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке ВРО РГО (проект «Народная речь Вологодского края: опыт функционально-типологического исследования»).

средством обозначения звука можно считать глагольную лексику (глаголы звучания). Следовательно, из лексических средств языка глаголы звучания наиболее полно отражают звуковую составляющую языковой картины мира и реконструкцию этой составляющей можно основывать на их анализе. Данная статья продолжает серию работ в этом направлении, выполненных на основе анализа глаголов звучания и посвященных народному восприятию голосов живых существ [см.: 5–7 и др.].

Предметом исследования в статье являются глаголы, обозначающие стрекотание сверчка. Это насекомое издавна живет рядом с человеком и играет определенную роль в славянской картине мира. Так, А.В. Гура в работе «Символика животных в славянской народной традиции» отмечает, что сверчок представлен во многих славянских поверьях [8, с. 519–520].

Номинативный ряд глаголов, обозначающих стрекотание сверчка, извлечен из картотеки «Лексического атласа русских народных говоров» (далее – ЛАРНГ). Особая ценность этого материала для когнитивного рассмотрения в том, что картотека атласа предоставляет в распоряжение исследователя весь спектр языковых средств обозначения вокализаций живого существа. Для анализа этих глаголов нами разработана специальная методика, учитывающая специфику материала: в картотеке атласа представлены номинативные ряды глаголов, которые могут выражать в говорах то или иное значение. Эти глаголы различаются по объему семантики (ср. *петь* и *сверчать* – о сверчке), сопровождаются примерами употребления в речи. Соотношение глаголов узкой и широкой семантики внутри номинативного ряда, типичные пересечения номинативных рядов между собой, типичные метафорические переносы позволяют сделать вывод о роли исследуемого звука в картине мира носителя говора, а также о его сближении с другими звуками. Анализ речевой реализации глаголов позволяет сделать вывод о том, с каким временем и пространством соотносится звук в человеческом сознании, а также о том, какова человеческая оценка этого звука.

Материалы картотеки ЛАРНГ свидетельствуют о том, что для обозначения звуков, издаваемых сверчком, в говорах часто используются слова широкой семантики. Большинство из них обозначает громкие и резкие звуки (*верещать*, *кричать*, *стрекотать*, *трещать*, *свиричать* и другие) или высокие звуки (*пищать*, *свиристеть*, *свистеть*, *чивкать* и другие). Это свидетельствует о том, что носителями языка стрекотание сверчка воспринимается как высокое, громкое и резкое. Этот вывод подтверждается контекстами: *Бывало, так громко за печкой свистят сверчки-то, аж спать невозможно* (респ. Коми, Прилузский р-н); *Когда тихо, очень хорошо слышно, как сверчок сверчит* (Кировская обл., Опаринский р-н); *Цвиркун свирищал очень громко* (Курская обл., Львовский р-н); *Сверчок всю ночь стрекотал, не давал спать* (Волгоградская обл., Городищенский р-н) и другие. Следует также отметить, что звуки, издаваемые сверчком, могут восприниматься как пение (*петь*).

Стрекоотание сверчка сближается в человеческом представлении с треском кузнечика, что прослеживается в использовании одних и тех же глаголов по отношению к этим насекомым. В ряд таких слов входят как глаголы широкой семантики (*стрекотать*, *трещать*), так и видоспецифичные лексемы (*цвирикать*, *чиркать*, *чурюкать*; ср.: *цвирикать* ‘издавать характерные звуки, похожие на «цвирик-цвирик» (о сверчке, кузнечике)’ [11, т. 4, с. 635], *чиркать* ‘издавать звук чир’ *Сверчок и кузнечик чиркают* [9, т. 4, с. 1345], *чурюкать* ‘стрекотать’ *Кузнечик чурюкает* [1, с. 585]). Контексты в картотеке ЛАРНГ также отражают сближение стрекотания сверчка и кузнечика: *Обычно сверчки, как кузнечики, трещат* (Владимирская обл., Ковровский р-н); *Сверчки стрекочут, как кузнечики, громко так, стрекот далеко доносится* (Смоленская обл., Руднянский р-н) и др.

Следует отметить, что в славянской символике живых существ образы этих насекомых тесно связаны друг с другом. Так, «у русских, согласно В.И. Далю, сверчки делятся по месту обитания на запечных (собственно сверчок), полевых или лесных (кузнечик) и земляных (земляной сверчок или земляной рак – насекомое медведка)» [8, с. 516]. Кроме того, в восточнославянских диалектах названия кузнечика и сверчка нередко совпадают [8, с. 516], что отражается в ряде контекстов, в которых речь, по всей видимости, идет о кузнечиках, а не о запечных сверчках: *Сверчает часто в огороде у меня сверчок* (resp. Карелия, Прионежский р-н); *Вот как засуха, сверчки сверчат громко* (Московская обл., Лотошинский р-н) и др.

В общей совокупности представлений о голосах живой природы, существующей в сознании носителей говоров, стрекотание сверчка сближается с вокализациями птиц (а не животных). Об этом свидетельствует тот факт, что часть глаголов широкой семантики, относящихся к сверчку, также используется для обозначения звуков, издаваемых птицами: сорокой (*стрекотать, трещать*), соловьем (*свиристеть, свистеть*), синицей (*чивкать*) и др.

Контексты, иллюстрирующие употребление глаголов, позволяют определить, с каким пространством и временем соотносятся в человеческом сознании звуки, издаваемые сверчком, а также установить, как стрекотание оценивается человеком.

Если говорить о **пространстве**, то в подавляющем большинстве контекстов говорится, что сверчок стрекочет **под печью** или **за печью**: *Сверчок начнет чирикать за печкой* (resp. Коми, Усть-Цилемский р-н); *Сверчок не одну ночь за печью трещит* (Вологодская обл., Великоустюгский р-н); *Сверчок у нас за печкой чувывает* (Кировская обл., Лузский р-н); *У меня чивкун под печкой живет, чивкает по ночам* (Вологодская обл., Тотемский р-н); *В старом доме жил у нас сверчок, стрекотал за приступком* (Вологодская обл., Междуреченский р-н.); *Чивкун чирикает за печкой* (Тверская обл., Молоковский р-н) и другие. В контекстах, зафиксированных 1–2 раза, упоминаются также и другие укромные уголки (в углу, в щели, под половицей и другие): *В углу за печкой сверчок сверчит* (Нижегородская обл., Воротынский р-н); *Сверчок залезет и свистит в углу* (Воронежская обл., Семилукский р-н); *Сверчок на глаза не попадает, его трудно увидеть, он в щелочках забивается, слышно тока, как он сверчит* (Московская обл., Ступинский р-н); *Цыркуны-ты у нас вон под половицей стрекочут* и другие. Три раза встретились контексты со словом **дом**: *В доме заберется под печку и свистит, свистит* (Московская обл., Истринский р-н); *В старом доме жил один, по ночам свистел сильно* (Челябинская обл., Нязепетровский р-н); *Считается, если в доме стрекочет сверчок, это приносит счастье* (Тверская обл., Zubцовский р-н).

Пространственные объекты вне дома (огород, лес, палисадник и другие) упоминаются редко. По всей видимости, в соответствующих контекстах речь идет о кузнечиках, а не собственно о сверчках. Ср.: *В лесу сверчать сверчки* (Костромская обл., Красносельский р-н) и др.

Время, с которым связывается стрекотание сверчка, также весьма определенно: это **ночь** и **вечер**. Например: *Всю ночь сверчок свирищал* (Костромская обл., Галичский р-н); *Сверчки ночью спать не дают, заберутся в щербину и сверчат* (Тверская обл., Осташковский р-н); *Чивкун любит ночью свиристеть, а днем спит* (Московская обл., Орехово-Зуевский р-н); *Сверчки ночами стрекочут иногда так громко, что надоедает* (Ивановская обл., Лежневский р-н); *Цивкун стрекочет вечерами* (Курская обл., Львовский р-н); *Как стемнеет, сверчок под окном начинает стрекотать* (Владимирская обл., Селивановский р-н) и другие. Иные временные характеристики стрекотания сверчка (время суток, продолжительность и др.) встречаются в немногочисленных контекстах, поэтому непоказательны.

Стрекотание сверчка человек обычно расценивает как **громкое**: *Бывало так громко за печкой свистят сверчки-то, аж спать невозможно* (Коми респ., Прилузский р-н); *Сверчит, да и громко так, по всей избы слышать* (Псковская обл., Островский р-н); *Сверчок за печкой живет, чирикает громко* (Тверская обл., Осташковский р-н); *Ой, так сильно сверчит сверчок по ночам* (Ярославская обл., Некрасовский р-н); *Цвиркун свирищал очень громко* (Курская обл., Львовский р-н); и другие. С этим связана преимущественно **отрицательная оценка** стрекотания, которое **мешает спать** и **надоедает**: *Ночью, бывает, уснуть не можешь, больно уж громко шумит за печкой* (Удмуртия респ., Ярский р-н); *Сверчки ночью спать не дают, заберется и сверчит* (Тверская обл., Осташковский р-н); *Вечером как начнет стрекотать – и не уснешь* (Московская обл., Серпуховский р-н); *Сверчок только сверит за печкой. Вережжат там, досадно слушать, они вредные* (Тверская обл., Нелидовский р-н); *Начинает стрекотать, неохота, чтобы он трещал* (Ленинградская обл., Кингисеппский р-н) и др. Один раз записано такое поверье: *Сверчит – это плохо, потому что рядом покойник, так у нас говорят* (Псковская обл., Дедовичский р-н).

Положительная оценка стрекотания встретила только в единичных контекстах: *Хорошо слушать, как стрекочут сверчки по вечерам* (Ивановская обл., Шуйский р-н); *Больно ладно поет сверчок за печкой* (Нижегородская обл., Первомайский р-н) и др.

Выводы

В целом можно сказать, что семантика глаголов рассматриваемого номинативного ряда отражает человеческие представления о стрекотании сверчка. Оно воспринимается носителями говоров как высокое, громкое и резкое. Этот вывод подтверждается и контекстами употребления глаголов в речи. Стрекотание сверчка сближается в народных представлениях со стрекотанием кузнечика. В общей совокупности народных представлений о звуках живой природы стрекотание сверчка оказывается ближе к вокализациям птиц. Звуки, издаваемые сверчком, в народных представлениях имеют достаточно определенную пространственно-временную локализацию (раздаются ночью и вечером в доме за печкой).

Литература

1. Большой толковый словарь донского казачества. М., 2003. 608 с.
2. Вендина Т.И. Из кирилло-мефодиевского наследия в языке русской культуры. М., 2007. 336 с.
3. Вендина Т. И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования. М., 1998. 240 с.
4. Вершинина М.Г., Шляхова С.С. Звуковая диалектная картина мира: к постановке проблемы // Общетеоретические и типологические проблемы языкознания. Бийск, 2014. С. 51–57.
5. Ганичева С.А. Диалектные глаголы как средство вербализации представлений о голосах птиц // Славянский альманах. 2017. №1–2. С. 333–343.
6. Ганичева С.А. Когнитивная интерпретация семантики и контекстов употребления глаголов, обозначающих в русских говорах звуки, издаваемые волком, медведем и лосем // Вестник Череповецкого государственного университета. 2015. №3. С. 49–52.
7. Ганичева С.А. Русские глаголы-орнитофоны в контексте диалектной языковой картины мира // Русский язык в современном мире: традиции и инновации в преподавании русского языка как иностранного. М., 2013. С. 645–650.
8. Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997. 912 с.
9. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1994. Т. 1–4.
10. Нефедова Е.А. Многозначность и синонимия в диалектном пространстве. М., 2008. 464 с.

11. Словарь современного русского литературного языка. М., 1985–1988. Т. 1–4.
12. Соколова А.А. Ландшафт в системе традиционных пространственных представлений: географическая интерпретация диалектных образов. СПб., 2007. 392 с.
13. Цивьян Т.В. Отражение звукового пейзажа в языке и в тексте (на материале русской загадки) // Мир звучащий и молчащий: семиотика звука и речи в традиционной культуре славян. М., 1999. С. 149–179.

References

1. *Bol'shoi tolkovyi slovar' donskogo kazachestva* [Great explanatory dictionary of the Don Cossacks]. Moscow, 2003. 608 p.
2. Vendina T.I. *Iz kirillo-mefodievskogo nasledia v iazyke russkoi kul'tury* [From the Cyril and Methodius legacy in the language of Russian culture]. Moscow, 2007. 336 p.
3. Vendina T.I. *Russkaia iazykovaia kartina mira skvoz' prizmu slovoobrazovaniia* [Russian linguistic worldview through the prism of word formation]. Moscow, 2008. 240 p.
4. Vershinina M.G., Shliakhova S.S. Zvukovaia dialektnaia kartina mira: k postanovke problemy [The sound dialect picture of the world: to the problem statement]. *Obshcheteoreticheskie i tipologicheskie problemy iazykoznanii* [General-theoretical and typological problems of linguistics]. Biisk, 2014, pp. 51–57.
5. Ganicheva S.A. Dialektnye glagoly kak sredstvo verbalizatsii predstavlenii o golosakh ptits [Dialect verbs as way of verbalizations ideas of birds' voices]. *Slavianskii al'manakh* [Slavic almanac], 2017, no. 1–2, pp. 333–343.
6. Ganicheva S.A. Kognitivnaia interpretatsiia semantiki i kontekstov upotrebleniia glagolov, oboznachaiushchih v russkikh govorakh zvuki, izdavaemye volkom, medvedem i losem [Cognitive interpretation of semantics and contexts of the use of the verbs which mean the vocalizations of wolf, bear and elk in the Russian dialects]. *Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta* [Cherepovets State University Bulletin], 2015, no. 3, pp. 49–52.
7. Ganicheva S.A. Russkie glagoly-ornitofony v kontekste dialektnoi iazykovoi kartiny mira [Russian verbs denoting birds' voices in the context of the dialect linguistic worldview]. *Russkii iazyk v sovremennom mire: traditsii i innovatsii v prepodavanii russkogo iazyka kak inostrannogo* [Russian in the Modern World: Traditions and Innovations in Teaching Russian as a Foreign Language]. Moscow, 2013, pp. 645–650.
8. Gura A.V. *Simvolika zhivotnykh v slavianskoi narodnoi traditsii* [Symbolism of animals in the Slavic folk tradition]. Moscow, 1997. 912 p.
9. Dal' V.I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. Moscow, 1994, Vol. 1–4.
10. Nefiodova E.A. *Mnogoznachnost' i sinonimiia v dialektnom prostranstve* [The polysemy and synonymy in dialect space]. Moscow, 2008. 464 p.
11. *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo iazyka* [Dictionary of the modern Russian literary language]. Moscow, 1985–1988, Vol. 1–4.
12. Sokolova A.A. *Landshaft v sisteme traditsionnykh prostranstvennykh predstavlenii: geograficheskaia interpretatsiia dialektnykh obrazov* [Landscape in the system of traditional spatial representations: geographical interpretation of dialect representations]. St Petersburg, 2007. 392 p.
13. Tsiv'ian T.V. Otrazhenie zvukovogo peizazha v iazyke i v tekste (na materiale russkoi zagadki) [Reflection of the sound landscape in the language and text (as exemplified in the Russian riddle)]. *Mir zvuchashchii i molchashchii: semiotika zvuka i rechi v traditsionnoi kul'ture slavian* [World of sounds and silence: semiotics of sound and speech in the traditional culture of the Slavs]. Moscow, 1999, pp. 149–179.

Ганичева С.А. Стрекотание сверчка в диалектной языковой картине мира // Вестник Череповецкого государственного университета. 2017. №6 (81). С. 66–70.

For citation: Ganicheva S.A. Crickets' chirping in the dialect language picture of the world. *Bulletin of the Cherepovets State University*, 2017, no. 6 (81), pp. 66–70.